

РЕМФАС АСАБ

Кёльнские каникулы

ВЕРНУТЬСЯ В КЁЛЬН И НЕ УМЕРЕТЬ

Ремфас Асаб

**Кёльнские каникулы.
Вернуться в Кёльн и не умереть**

«Издательские решения»

Асаб Р.

Кёльнские каникулы. Вернуться в Кёльн и не умереть / Р. Асаб —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902437-4

Незавершенные дела заставляют Вели и Отари спешно возвратиться в Кёльн, где они надеются выйти на след резидента «Белого Братства» и завершить попытки освобождения Фатимы. Освобождение Фатимы происходит совершенно неожиданным образом, однако для Вели она потеряна. Утешением для него стало обретение сына, о котором он раньше ничего не знал. По следам Вели идут его бывшие коллеги, получившие приказ уничтожить его.

ISBN 978-5-44-902437-4

© Асаб Р.

© Издательские решения

Содержание

Вели	6
Вели и Отари	9
Пауль Бергер	11
Новые лица	14
Всеволод и Наталия	19
Шнайдер и Шульц	22
Семейство Абдаллы	24
Ариф Абдаллы и Вели	26
Хавар Занузи и Парвиз Дервиши	28
Аревик	31
Вели	35
Вели, Отари, Шнайдер и...	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Кёльнские каникулы Вернуться в Кёльн и не умереть

Ремфас Асаб

Роман в лицах. Адаптированный вариант.

© Ремфас Асаб, 2018

ISBN 978-5-4490-2437-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*2002 – год Чёрной Лошади,
11 октября, пятница*

Вели

...Вели бредил третий день подряд. Еще никогда за свою жизнь ему не приходилось находиться в столь неопределенном состоянии. Когда-то ему представлялось, что бред являет полную отрешенность человека от реальности, погруженность в мираж загадочных символов, порожденных освобожденным из-под контроля бессознательным. Собственно, думал он так потому, что этому учили его как на психологическом факультете, так и в «школе», опирающейся в обучении на собственные секретные исследования психики человека. Состояние бреда, если им занимается подготовленный специалист – неисчерпаемый источник получения самой невероятной информации, о которой бодрствующее сознание даже не подозревает.

Вели, наверное, лучше всех остальных курсантов «школы» владел техниками снятия информации с погруженных в состояние бреда людей. Он прекрасно ориентировался в различных формах и фазах бреда, знал, что это состояние – далеко не однородный процесс, совсем несравненный с непрерывным током информации, добываемой незамутненным сознанием.

Происходящее с Вели либо не было бредом, либо его учителя и он сам, с ними вместе, ошибались в своих оценках и описаниях этого причудливого состояния психики человека.

В бреду Вели ни на мгновение не терял контакта со связанными с его прошлой жизнью фрагментами реальности. Лежа с закрытыми свинцовыми веками глазами, он внутренним взором наткнулся на границы некоего замкнутого пространства, интуитивно ощущая присутствие в нем еще двух людей. Все время они, как и сам Вели, почему-то проводили в постели. Это очень беспокоило Вели, поскольку он не мог найти более или менее убедительных объяснений своим интуитивным ощущениям.

Почему в комнату с завидным постоянством заходят люди, облаченные в белые одеяния? Что хотят они от него и двух других обитателей комнаты, наклонившись к ним и прикладывая к их телам какие-то предметы?

Вели не видел окружающее его пространство, но странным образом воспринимал его подсознанием, или тем, что сейчас его заменяло. Он не слышал внешний мир, ни один звук извне не тревожил его слух, но гнетущая внешняя тишина временами взрывалась внутренними всплесками гармоничных, порой какофоничных обрывков музыкальных фраз, источник которых был необъясним.

«Почему я не чувствую своего тела, существует ли оно вообще? А что, если я умер? Но почему? Ведь я сравнительно молод, ничто, вроде бы, не угрожало моей жизни» – выстраивались вопросы, на которые не было ответов.

«А что было в моей жизни? Я помню 30 лет своей жизни, значит, мне сейчас столько лет? Кажется – нет! Вот где загадка! Надо вспомнить всю мою жизнь по годам! И тогда...» – Вели накрывала теплая волна забытья, он засыпал, перемешивая в котле психики явь, сон и бред...

Потом просыпался, мысленно сбрасывая с себя липкую паутину сна, спонтанно чередуя уровни включенности. Большинство мыслей было лишено связности. Вот проплыла одинокая мысль: «Надо вспомнить всю мою жизнь по годам» – что бы она могла значить? «Может, «если надо вспомнить», значит, я что-то забыл. Но я помню вполне четко, оговоренный непроницаемыми краями беспомыслия, период моей жизни. Помню очень хорошо – кем были в ней мои мама и отец. Я учился в МГУ, закончил психологический факультет, стал ученым... Нет, не стал, я учился в высшей школе КГБ! И что потом? Я стал разведчиком, шпионом? А вот Наталья, Отари – кто они? Мои бывшие сокурсники по «школе». Где они сейчас? Виделись ли мы, после завершения «школы»?

В памяти всплывали имена, но не лица. «Если ясно представить сокрытые беспомыслием лица – восстановится последовательность реальных событий, и я смогу снять с сознания оковы бреда, обрету способность двигаться. Но как лучше распознать лица – в темноте или при ярком

свете? Вот и ответ» – в сознании Вели, раздвигая мглу крошечной тьмы, стали постепенно проявляться дорогие ему лица... Они возникали сначала в легкой дымке, потом становились резче и четче, захватывая почти все интуитивно зримое пространство. Дымка рассеялась, и живые лица друзей включили свет ослепительных улыбок, слепящих внутренний взор.

Вели попытался, как много раз до этого момента, открыть глаза, и впервые это ему удалось. Он повел взглядом открывшегося зрения по помещению, насколько это позволяла, казалось, прикованная железными обручами голова. В ближайшем, лежащем напротив него человеке он узнал Отари, и тут же память его озарилась ослепительной вспышкой света...

«Павлов, взрыв прямо сейчас, немедленно уходите из автобуса» – отчетливо всплыла в сознании тревожная фраза. Память его прояснилась до предела. Он вспомнил все одновременно – более или менее значимые события своей жизни, любимых женщин, злосчастный день в Берне, завершившийся столь трагично, свою последнюю мысль перед потерей сознания – «Увидеть Берн и не умереть».

«Кто же, второй? – Вели безуспешно пытался повернуть голову, потом предельно скосил глаза, стремясь разглядеть человека, лежащего сбоку от него. Он долго вглядывался, прежде чем узнал Султанова, голова которого была основательно перебинтована. С трудом отводя застывший взгляд, Вели стал размышлять о том, насколько тяжело состояние близких ему людей, неподвижно лежащих с закрытыми глазами.

Он знал о технике спонтанного проникновения в подсознание человека, основанной на эмпатии¹, но никогда не применял ее, считая, что для этого необходимо обладать сверхчувствительными способностями.

«А что, если попробовать?» – эта мысль настолько завладела Вели, что он пропустил момент когда его тело стало понемногу приобретать способность двигаться. Он чуть приподнял голову и, следуя инструкциям, сосредоточил взгляд на переносице Отари, стараясь слиться с волнами подсознательных переживаний друга...

Раздался пищащий звук какого-то прибора, и в комнату ворвалась женщина в белом халате, сразу же направившаяся к кровати Вели.

– Не двигайтесь, – у Вас сотрясение мозга, Вы в реанимации. Я – медсестра. Как Вы себя чувствуете? – на плохом английском зачастила женщина.

– После Вашего диагноза – гораздо хуже, – по-немецки ответил Вели.

– Ну, если Вы способны шутить, дела обстоят не так уж и плохо – облегченно вздохнула медсестра, переходя на родной ей немецкий язык.

– Что с моими друзьями? – Вели вновь уперся взглядом в лицо Отари.

– Два пулевых ранения, одно – серьезное, но сейчас состояние в целом стабильное. Врачи, наблюдающие его, считают, что через пару дней он может прийти в сознание.

– Сегодня вечером, это произойдет сегодня – механически произнес Вели, не вдумываясь в смысл произнесенных им слов.

– Вы – врач? – спросила медсестра, удивленная неожиданным диагнозом.

– В каком-то смысле да, но не вздумайте требовать у меня предъявления диплома – Вели только сейчас осознал смысл озвученного им «диагноза».

– О'кей, врач без диплома, я поделюсь Вашим оптимистическим прогнозом с лечащим врачом.

Вели чувствовал нарастающее улучшение своего состояния.

– А вот второй пациент – тяжелый, и говорят по Вашей вине – медсестра была настроена пошутить.

– По моей вине? Как это могло случиться? – недоумевал Вели.

---

¹ Эмпатия – осознанное сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого человека, способность к чувству и ощущению состояния человека, даже не видя его.

– Вас вышвырнуло взрывной волной прямо на нашего несчастливца, при падении он чудовищно повредил затылок, но это спасло Вас от неминуемой смерти.

– И каковы ожидания врачей?

– Я думала, Вы нас просветите!

– Увы, это не в моих силах.

– Что ж, Вы меня успокоили, я чуть не приняла всерьез Ваши шутки. Ему предстоит серия операций, но врачи полны оптимизма.

– Сколько человек погибло в автобусе? – Вели уставился немигающими глазами на медсестру.

– Так, никто, почти... – растерянно промямлила медсестра.

– Сколько? – настойчиво произнес Вели, не сводя тяжелого взгляда с медсестры.

– Четверо. Все газеты писали об этом случае, свидетели утверждают, что если не Вы с друзьями, жертв было бы гораздо больше...

– Знаете их имена? – продолжил свой допрос Вели.

– Нет! Такие незапоминающиеся, русские фамилии. Мне нужно идти, надо сообщить дежурному врачу о Вашем пробуждении... А вот и он! Доктор! – облегченно воскликнула медсестра.

Вели вдруг испытал чудовищную усталость, он закрыл глаза и тут же погрузился в тяжелый сон...

Вели и Отари

...Мое пробуждение было легким и непринужденным. Я проснулся как бы разом – и сознанием, и телом. Я испытывал легкость владения своим телом, ясное сознание прокручивало перед внутренним взором события последних месяцев моей жизни. Я наблюдал за разворачивающейся картиной непринужденно, как бы со стороны, отрешенно охватывая каждый протекающий фрагмент.

«Сколько сейчас времени?» – спросил я самого себя и прикинул что никак не меньше восьми часов вечера. Заметив на стене палаты вывешенные часы, я с удовлетворением отметил, что минутная стрелка только начала отмерять свой бег к девятому часу – 20.03. «Самое время для пробуждения Отари» – подумал я и, сосредоточившись взглядом на лице человека, занимавшего противоположную мне кровать, властно позвал:

– Отари!

По безмятежному лицу друга пробежала едва уловимая тень, пальцы рук, разложенных поверх одеяла, стали сжиматься в кулаки. И вдруг, не открывая глаз, Отари совершенно отчетливо произнес:

– Дад нэзэнид. Шомара хуб мишенэвэм².

Я понял: просыпался «Сейид-Абдулл» – и стал гадать, пытается ли Отари, еще не представляющий где он находится, воспользоваться легендой, или же он реально вошел в образ, а значит, еще не совсем здоров.

– Отари, это я – Вели, – предпринял я очередную попытку, замечая, что мой друг концентрируется перед тем, как открыть глаза.

Наконец, Отари приоткрыл веки и уставился совершенно ясным взглядом прямо мне в глаза:

– Что с автобусом?

– Четверо погибших, есть раненные, но сколько точно не знаю, – я решил быть предельно откровенным, зная, как Отари ненавидит святую ложь.

– Я убил Павлова? – Отари последовательно задавал, видимо, наиболее мучающие его вопросы.

– Не могу знать, я пришел в сознание сегодня утром, – по-военному четко ответил я.

– Кто третий в палате?

– Это Султанов, боюсь, он пострадал больше нас, хотя врачи думают, что он выкарабкается. Это все, что я знаю. Но скоро появятся люди, которые удовлетворят наше любопытство.

Словно отзываясь на мои слова, в палату вошло несколько человек, среди которых я увидел знакомых – медсестру и дежурного врача. Возглавлял группу высокий седовласый мужчина, который тут же устремился к кровати Отари:

– Как Вы себя чувствуете, есть боли, головокружение? – спросил он по-немецки.

– Прекрасно, когда мы сможем выписаться из клиники? – спросил по-английски Отари.

– Думаю, не скоро, сначала вас переведут из реанимации в палату интенсивной терапии, а там... Все зависит от вас, – легко перешел на английский наш посетитель, оказавшийся заведующим отделением реанимации.

– Не могли бы Вы распорядиться, чтобы нам принесли прессу за последние дни, – попросил я.

Мужчина обернулся и с любопытством уставился на меня:

– Так это Вы предсказали пробуждение Вашего друга?! Весьма похвально, хотя мне с трудом верилось в Ваш прогноз... Пресса?

---

² Не кричите. Я хорошо Вас слышу (фарси).

– Ну, да, газеты и журналы, не будете же Вы, пренебрегая своими обязанностями, рассказывать нам о событиях последних дней – я специально произнес несколько витиеватую фразу, чтобы убедить медперсонал в своем полном здравии.

– Нет, не буду, хотя есть что рассказать... Я распорядюсь, чтобы принесли газеты, думаю, Вам понравится, как наши журналисты описали героические действия вашей группы – врач энергично продвинулся в сторону лежащего Султанова, быстро окинул взглядом исписанные листы блокнота, прикрепленного к изголовью кровати, мельком взглянул на больного и дал указание:

– Готовьте пациента к операции.

– Какие у него шансы? – спросил Отари.

– Самые что ни на есть радужные, внутренние повреждения мозга не столь серьезны, предстоящие операции, скорее пластические: хирурги займутся восстановлением затылочных костей черепа. Через пару-тройку дней, думаю, сможете с ним побеседовать несколько минут. Ну, коллеги, продолжим обход.

Оставшись одни, мы немного помолчали, затем Отари спросил:

– Когда двинем отсюда?

– Как можно скорее, но это зависит от твоего состояния.

– Завтра я буду в полном порядке. Будем готовить побег?

– Посмотрим, завтра нас переведут из реанимации в обычную палату, тогда и прикинем что делать.

Знакомая медсестра вошла в палату с целым ворохом газет и несколькими журналами, на обложке одного из которых была размещена фотография нашего автобуса, точнее того, что осталось от него после взрыва. Я стал просматривать все издания подряд, пересказывая Отари наиболее интересные для нас выдержки.

– Ого! Здесь пишут, что ты, уже дважды раненный, свернул шею Павлову, – я с уважением взглянул на Отари.

– Теперь припоминаю, кажется, так и было, – скромно произнес Отари.

Между тем, медсестра стала освобождать Султанова от многочисленных трубок и проводов, которыми он был подключен к приборам. Она ловко переложила Султанова на транспортную кровать и покатила ее к выходу.

– Счастливого возвращения, – промолвил я, приподнялся с кровати и тихонько пожал бесчувственную руку Султанова.

– В добрый путь, – напутствовал Султанова Отари.

Пауль Бергер

Утром Вели и Отари перевели, точнее перевезли прямо на их кроватях из реанимации в палату интенсивной терапии. Это было настоящее путешествие, занявшее почти двадцать минут. Сопровождающие их санитары, дважды воспользовавшись лифтом, безошибочно продвигались по лабиринтам коридоров, по пути переходя по застекленным соединительным мостикам из одного здания в другое. Наконец санитары определили их в одну из палат, отдав медицинские документы пациентов подоспевшему врачу, сопровождаемому чернокожей медсестрой. Вели попытался сразу же вскочить с кровати, но был решительно остановлен медсестрой-африканкой, проявившей недюжую силу и сноровку:

– Лежать! Все, что Вам необходимо, я сделаю сама по первому требованию!

– Замечательно! Принесите нашу одежду, мы должны срочно покинуть больницу – заявил Вели.

– Даже, если бы я сошла с ума и решила выполнить Вашу просьбу, нести-то нечего, вся ваша одежда превратилась в мусор. Поверьте на слово, нашей заслуги в этом почти не было.

– Ну и дела! Попроси ее принести наши деньги и банковские карты, надеюсь они-то не увеличили количество мусора в Швейцарии, – обратился к Вели по-русски Отари.

В разговор включился врач, до этого молча наблюдавший разыгрываемую сценку:

– Вы что, решили слинять из больницы, господа бывшие соотечественники?

– Вы – русский, док? – удивленно воскликнул Отари.

– Такой же, как и вы, здесь мы все – «русские», а так – я молдаванин, слышали про такой народ?

– Первый раз в жизни! – обиделся Отари – я много раз был в Кишиневе³ еще во времена Союза.

– Ну, это было в прошлой жизни, – задумчиво произнес врач, – сейчас, думаю, все по-другому... почти десять лет не был на родине.

– Чего бы Вам не съездить домой, господин Чиботару? – Вели произнес фамилию, начертанную на бейдже, прикрепленном к груди доктора.

– Человек не всегда может вернуться туда, куда стремится всей душой – уклончиво заметил Чиботару, все еще пребывая в задумчивости.

– Были серьезные проблемы? – спросил Отари.

– А у кого их не было, – доктор предпочитал изъясняться полуфилософскими сентенциями, так, чтобы собеседники сами выбирали устраивающие их ответы на заданные вопросы.

Из бокового кармана халата доктора послышалось тихое жужжание мобильного телефона, он вытащил аппарат, мельком взглянул и решительно нажал кнопку приема. Отойдя в сторону, доктор что-то отвечал, затем, отключившись, обратился к пациентам:

– Взял на себя смелость, сказать, что вы достаточно хорошо себя чувствуете, чтобы принять посетителя, или я не прав?

– Вы даже не представляете, насколько правы, док, – поспешил заверить врача Отари, – случайно, не знаете кто спешит нанести нам визит?

– Только имя – Пауль Бергман. Вам это имя о чем-нибудь говорит?

– Более чем!

– Я вернусь после визита этого господина, и мы наметим с вами стратегию дальнейшего лечения.

«Надо же, стратегию, прямо как при планировании военной операции» – подумал Вели, провожая взглядом удаляющихся из палаты врача и медсестру.

---

³ Кишинев – столица Молдовы.

Бергман ворвался в палату, держа в своих огромных ручищах маленькую коробочку то ли конфет, то ли печенья.

– Только не говорите, что это для нас, – воскликнул Вели, указывая рукой на коробочку, – мы еще недостаточно здоровы, и всякие волнения нам просто противопоказаны.

– Ага! Шутите, как всегда, значит, дела обстоят превосходно. Не мог же я прийти с пустыми руками. Ну, здравствуйте, герои прессы!

– Что, только прессы? – демонстрируя показную обиду, спросил Отари, – официальные власти нас ничем не наградили?

– Ну, почему же, вот, лечитесь вы, например, за счет муниципальных властей Берна.

– Ясно. Герр Бергман! Я тронут Вашим вниманием, но что еще, кроме заботы о нашем драгоценном здоровье, привело Вас к нам? – Вели выжидательно уставился на полицейского.

– Ах, да, так, мелочь... Главное, конечно же, здоровье. И если оно в порядке, а глаза меня никогда не подводили, хотел спросить у вас: как хорошо вы знали Павлова... Что-то не сходится между собой детали информации о нем, вроде бы, русский агент, с другой стороны, – последовательный сторонник «Белого Братства», готовый на все в достижении поставленной цели...

– Не такой уж и последовательный! Лично мне в последней «беседе по душам» Павлов заявил, что ему наплевать на идеи «Белого Братства».

– Тогда деньги? Большие деньги? – нетерпеливо спросил Бергман.

– Деньги еще никому не мешали, хотя, думаю, сейчас Вы не правы. Я предложил «перекупить» его, но он отказался. Как же он сказал тогда? – Отари на минуту задумался, а потом решительно произнес – Вспомнил, почти дословно, он сказал «иногда мир необходимо основательно встряхивать, чтобы жизнь окончательно не покинула его». Хотя, возможно, не только в этом заключалась решимость Павлова непременно взорвать автобус...

– Вот это нам и важно знать, может его хозяева или поделщики готовят новые акции, а мы с его смертью утеряли все нити. Не могли Вы, что ли, чуть придушить Павлова, а не сворачивать ему напрочь шею – Бергман, не скрывая досады, осуждающе взирал на Отари.

– Простите, не рассчитал силы, – ангельским голосом покаялся Отари, однако взгляд его был полон негодования.

– Кажется, Вам можно помочь, – Вели попытался заинтриговать полицейского задумчивым взглядом.

– Помочь! Но как?

– Элементарно Ватсон, о, простите, герр Бергман. Вы помогаете нам, а мы – поможем Вам. Нам необходимо в два, максимум три дня выбраться из больницы и отбыть в Кёльн. Там находится человек, который послал Павлова следить за нами. Думаю, он уже раскопал какие-то подробности перевербовки Павлова, с которыми мы попросим его поделиться с нами. Итак, герр Бергман, Вы готовы содействовать нашему исчезновению из больницы?

– Вы с ума сошли! На что вы меня толкаете, хотите, чтобы я совершил преступление, – Бергман был искренне возмущен, – Дайте мне данные об этом человеке, мы сами займемся этим вопросом.

– Ну, как знаете, мы и без Вас обойдемся, только не надоедайте нам после этого со своими проблемами, нам и своих хватает. Или Вы думаете, что мы самоубийцы, потерявшие вкус к жизни...

– Я попробую добиться официального разрешения на вашу выписку из больницы, но это займет не меньше недели, – Бергман решил идти на сделку.

– У нас, да и у Вас, нет столько времени, и потом, что если Вам откажут, бежать после этого будет гораздо труднее.

– А три дня у вас есть? Дайте мне это время, я обещаю, что добьюсь разрешения.

– Хорошо, нам нужны будут наши паспорта, карточки... Они в полиции или в больнице?

– После разрешения на выписку вам все вернут, а теперь будьте хорошими мальчиками, ешьте конфетки, – Бергман сорвал с коробочки крышку и стал усердно угощать конфетами Отари и Вели, испытывающих чудовищное отвращение к сладкому.

– Ну, да, по-вашему, я должен был принести литр водки.

– Ну что Вы, в самом деле, Пауль, думаю, половины было бы вполне достаточно, ведь мы не так здоровы, как Вам показалось. Отдайте эту гадость нашей медсестре, Вы, наверное, с ней уже познакомились – африканская красавица.

– Ладно, умники, я сам разберусь с этой проблемой...

Новые лица

Три дня спустя скоростным поездом «Цюрих-Кёльн» друзья выбирались из Швейцарии. Бергер выполнил свое обещание. Сопровождая их в поездке из Берна в Цюрих, он неустанно напоминал, каких трудов ему стояло разрешение на выписку из больницы двух, по сути, невыздоровевших пациентов. Смысл намеков Бергера был вполне прозрачен – он ожидал от кельнской поездки прояснение ситуации, связанной с разгромленным, но вполне еще способным на очередной террористический акт, «Белым Братством». Второго взрыва в столь благодатном и спокойном месте, как Берн, Бергеру попросту не простили бы. В глубине души он думал, что и сам бы себе этого не простил, поскольку атаку на автобус полностью проглядел. Если бы не эти сумасшедшие русские, пришлось бы добровольно подать в отставку сразу после взрыва автобуса, приведшего к человеческим жертвам.

– Думаю, мы успеваем на восьмичасовой поезд? – спросил Отари, чтобы прервать словесный поток Бергера.

– Восьмичасовой? Ах, да, конечно, времени вполне достаточно, да и ходят поезда почти через каждые два часа, – Бергер был явно раздосадован сменой важной для него темы разговора и попытался вновь взять нить беседы в свои руки:

– Итак, повторяю, вы можете рассчитывать на любую разумную помощь. В Германии вы будете на связи с герром Шульцем и, естественно, с Отто Штайнером, обладающим весьма солидными полномочиями.

– Позвольте узнать, господин Бергер, что Вы, или там, в Германии, понимают под разумной помощью? Знаете, порой необходима помощь, выходящая за пределы разумности, – Вели раздражало, что Бергер вообще не касается проблем, вынудившие его с Отари предпринять опасное путешествие в Кельн, находясь не в лучшей форме. Конечно, он понимал, что у каждого человека свое главное дело, которому он служит, но ведь в данном деле обе проблемы связаны друг с другом. Без решения задачи найти и освободить Наталию, нет подхода к Всеволоду, возможно знающему нечто интересное не только о Павлове, но и о «Белом Братстве», к которому, не исключено, он имел непосредственное отношение. КГБ завязывал контакты с самыми разношерстными террористическими организациями, так что в наследство ФСБ и СВР⁴ могло перейти и «Белое Братство».

– Ну, скажем, так... Это помощь, не выходящая за рамки закона, – нашелся, наконец, Бергер, пребывавший в размышлениях над вопросом Вели.

– Ну что ж, нас это вполне устраивает, не так ли, Отари?

– Более, чем! Ведь это означает, что и в наши дела никто не сможет сунуть свой нос, не нарушая закона, – Отари уставился на Бергера, хотя его ответ формально предназначался Вели.

– Вот и договорились, мы, кстати, у вокзала, – радостно засуетился Бергер – Надеюсь, провожать вас на перрон нет необходимости? В 13.05 будете на месте, чуть более пяти часов и вы в Кёльне.

Прощаясь, Бергер внимательно вглядывался в глаза Вели и Отари. Он был удивлен, что взгляд одного ничем не отличался от взгляда другого, прочитать в этих глазах что-либо не представлялось возможным, и он утешил себя известной максимой – «все русские на одно лицо»...

В подземном переходе к перрону друзья, не сговариваясь, разделились. Вели направился к платформе №3, а Отари, завернув к противоположному выходу, стал наблюдать, пытаясь выявить потенциально опасных попутчиков. Минут через пять, не заметив подозрительных

---

⁴ ФСБ – Федеральная служба безопасности, СВР – Служба внешней разведки России.

лиц, он, повторив путь Вели, сел однако в другой вагон поезда – это тоже было оговорено заранее.

Через полчаса, после отправления поезда, предстояла «случайная» встреча с Вели в вагоне-ресторане. Отари решил немного отдохнуть. Он прилег прямо в туфлях, пользуясь тем, что в купе никого не было. Тут же заснув, он через несколько минут инстинктивно почувствовал опасность. Еще не открыв глаз, Отари выкинул вперед сведенные воедино ноги. Что-то уткнулось в них и резко отскочило. Превозмогая боль в паху, Отари вскочил с места и начал преследовать нападавшего. Он смог увидеть только быстро удаляющуюся спину, как резкая боль заставила его осесть и оставить мысль догнать противника. Он осторожно, чтобы не усилить и без того чудовищную боль, медленно приподнялся и направился в свое купе. Расстегнув сорочку, Отари увидел проступающую на белоснежной поверхности бинтов кровь. Приняв на койке неподвижную позу и, полузакрыв глаза, Отари попытался усилием воли остановить ток крови, через пять минут он крепко спал, задав себе команду проснуться через двадцать минут...

...Вели расположился в вагоне с сидячими местами. Он успел мило побеседовать с четой молодоженов из Бонна, сидевшей напротив него, перекинуться парой фраз с импозантным господином, направляющимся в Дюссельдорф. Дождавшись условленного времени, он встал, извинился перед попутчиками и направился в вагон-ресторан. Отари на месте не было, хотя придти он должен был за пару минут до появления Вели. Приходилось самому выбирать наиболее выгодную для наблюдения позицию, благо в ресторане находился всего один посетитель, уткнувшийся в газету. Вели уселся в конце салона, заняв за столиком место, позволяющее ему наблюдать за дверью, из-за которой должен был появиться Отари. Делая заказ официанту, он заметил появившегося Отари, выражение лица которого явно свидетельствовало о том, что произошло нечто неординарное. Подойдя и попросив разрешения присесть, Отари сделал свой заказ официанту, все еще находившемуся у столика Вели, и, едва дождавшись его удаления, взял со стола бумажную салфетку и стал на ней писать. Завершив, он чуть подтолкнул салфетку в сторону Вели, подождал некоторое время, чтобы друг прочитал записку, а затем убрал салфетку во внутренний карман пиджака.

– Итак, за нами следят с самого начала нашего путешествия. Знать бы, кто из наших многочисленных «друзей» проявляет столь трогательную опеку, – задумчиво произнес Вели, – Как ты думаешь, тебя хотели напугать, временно вывести из игры, или же?

– Думаю, «или же», если бы я не среагировал на появление «гостя» в купе, лежать мне сейчас с проломленным черепом или с ножом в сердце...

– Похоже на правду. Ты – досадная помеха на пути ко мне, точнее к архиву, после получения которого можно нейтрализовать и меня, – подвел итог Вели.

– Не торопись! Мы пока не знаем, кто конкретно сопровождает нас, а потому можем лишь догадываться об их планах по отношению к нам, – разумно остановил логическую цепочку друга Отари, – Ничто не мешает, к примеру, нашему дорогому герру Бергеру постараться оставить тебя в одиночестве в компании людей его конторы.

– Но ты же говорил, что нападавший был настроен весьма решительно?! Ну, хорошо, давай по порядку. Наши предстоящие визави: Всеволод, люди «Белого Братства», земляки – мои бывшие сослуживцы из Баку, команда Бергера, ну, и, наверное, «подсадные» Шульца и Штайнера. Всех перечислил? – обратился Вели к Отари.

– Почти всех, разве что в нашем случае нужно включить в список возможных, незнакомых нам, сподвижников Павлова, которые могут и не быть членами «Белого братства», людей, стоящих за Светловым, и, наконец, следуя нашему неукоснительному правилу, группу «игреков», под которую сойдет неограниченное количество людей, – ответил Отари.

– Даже мертвый Павлов продолжает свою игру в мире живых. Сдается мне, кроме работы на ФСБ и «Белое Братство» наш незабвенный «Владимир Ленин»⁵ сотрудничал еще с какой-то серьезной организацией. Встреча с Всеволодом обещает быть весьма занятной. О Светлове, я даже не подумал, а между тем, он, в отличие от Павлова, жив и может при острой необходимости связаться с нужными людьми на свободе, хотя бы посредством своего адвоката. Но скажи, на милость, какого дьявола ему заниматься нами, когда проблемы Светлова тянут на пожизненное? – поинтересовался Вели мнением друга и безо всякого перехода спросил: «Ты обратил внимание на единственного, кроме нас, посетителя ресторана?»

– А как же! Максимум, чем он может сейчас занять себя – прослушивать нас, но ведь ты предпринял нужные меры – почти утвердительно спросил Отари, – увидев кивок головы друга, он продолжил – Надеюсь, взрыв не изгладил из твоей памяти о какой сумме идет речь. Особи, подобные Светлову, готовы и за гораздо меньшие деньги укокошить некоторое число себе подобных. Твой земляк уже доказал правоту такого взгляда на жизнь, особенно если это жизнь чужого человека.

– Не знаю, Берн или больница так подействовали на тебя, но изъясняться ты стал несколько витиевато. И что за выражение – «укокошить», даже сами русские уже давно так не говорят – Вели решил чуть остудить Отари – конечно, людей Светлова нам придется включить в число «игреков», как и неизвестных соратников Павлова.

– Ладно, не цепляйся к словам, в конце концов, я не русский, – имитируя кавказский акцент, заявил Отари, – что-то много «игреков», не находишь?

– Сейчас на одного станет меньше, иди к себе в купе, я позвоню, когда надо будет вернуться, пока же пощупаю нашего попутчика на предмет любви к нам, – Вели машинально погладил пистолет, спрятанный под пиджаком.

– Надеюсь, ты помнишь, Бергер говорил, что оружие можно использовать лишь в том случае, если произойдет столкновение Земли с крупным астероидом?

– И потому, старая лиса, заменил настоящие патроны на холостые! Я просто попугаю клиента, послушаю чем интересным он готов поделиться со мной.

Отари поднялся и пошел к ближайшему из ресторана выходу, как только за ним закрылась дверь, Вели встал и решительно направился к единственному посетителю ресторана. Не дожидаясь приглашения, Вели сел, уперев под столиком дуло пистолета в коленную чашечку визави, который с удивлением уставился на Вели:

– Что Вам угодно? – довольно спокойно для сложившейся ситуации спросил незнакомец по-немецки.

– Мне угодно знать, кто входит в круг наших общих знакомых, и что они просили передать мне, – Вели сильнее вдавил дуло пистолета в колено собеседника. К его удивлению, визави, нисколько не волнуясь, тут же перешел на азербайджанский язык: «Их не так то и мало, но думаю, имя Фатима Вам о чем-то говорит. Собственно передать Вам на словах, вроде бы, нужно лишь одно – это Ваш последний шанс, другого не будет.

– Где и когда намечена встреча?

– Этого я не знаю. Моя миссия – сопровождать Вас до Кёльна, а там Вас найдут и оповестят, если Вы не вздумаете по старой привычке исчезнуть. Вообще-то, я охраняю Вас от возможных неприятностей в пути, – с апломбом произнес земляк.

– Скажите, пожалуйста, какая трогательная забота! А не Вы ли пытались убрать моего друга? – Вели знал, что его предположение ложное, но все же высказал его, чтобы выяснить возможно имеющиеся у собеседника сведения.

---

⁵ Имя Павлова – Владлен – составное – Владимир Ленин.

– Нет, конечно! И Вы это знаете лучше меня – сейчас Отари нам не помеха, но если возникнет необходимость в его устранении, – колебаний не будет, – цинично подвел итог разговора земляк.

– Как там у нас на Родине? – решил зайти с другого конца Вели.

– Не знаю как у Вас на Родине, у нас – все просто замечательно! Кстати, не могли бы Вы убрать свою пушку – синяк на память о нашей встрече уже запечатлелся на моем колене, – демонстрируя повадки настоящего профессионала, отрезал собеседник.

– Будем надеяться, что в следующую нашу встречу я найду своей пушке более подходящее применение, – зло произнес Вели, незаметно убрал пистолет во внутренний карман пиджака, встал и направился к своему столику.

Почти тотчас его собеседник покинул вагон-ресторан.

Вели набрал номер мобильного телефона Отари и после пятого звонка, не давая отбоя, устремился в сторону вагона друга. Миновав два вагона и переходя в третий, Вели увидел Отари, почти дружески обнимающего за талию какого-то человека.

– Где ты ходишь? Еле удерживаю своего нового друга, чтобы познакомить с тобой, – Отари из последних сил пытался шутить.

– Ага! Это твой посетитель, который позорно бежал с поля брани?! Позволь, я приглашу гостя в твоё купе, там вроде не должно быть посторонних, – Вели продемонстрировал незнакомцу пистолет и, решительно взяв его под локоть, повел в купе Отари.

– Вы, что же, стрелять будете, если... – попытался потянуть время конвоированный.

– Ну зачем же такие крайности, – возразил Вели, – в самом драматическом случае я проломлю Вам череп, заметьте, это Вы пытались устранить нашего общего знакомого, так что это будет актом самозащиты при нападении.

– Послушайте, хватит реверансов, – включился в беседу «общий знакомый», – давай двигай и помни о своих детях, которые могут остаться сиротами.

Гуськом, устроив «пленника» в середине, троица направилась к купе Отари, которое располагалось в соседнем вагоне. Они беспрепятственно проследовали по пустому коридору и, войдя в купе, тут же заперлись изнутри.

– Располагайся, где тебе удобно, хотя бы у окна, – на правах хозяина радушно предложил Отари, – надеюсь, ты не в претензии, что я «тыкаю», как-никак мы друг другу не чужие люди, или ты другого мнения?

Невольный гость плюхнулся на койку, вздохнул и произнес почти спокойным голосом:

– Что вы от меня хотите?

– Мы? – удивленно спросил Вели – Абсолютно ничего! Однако правила вежливости предполагают, что Вы объясните свой поступок, ну и, поведаете нам, кто поручил Вам столь деликатное дело.

– Я его перепутал с другим человеком, – неуверенно начал гость.

– Зато я тебя ни с кем не перепутаю, – угрожающе процедил сквозь сомкнутые зубы Отари, – хочешь поиграть с нами, давай попробуй, но до Кёльна ты обязательно проиграешь нам несколько раз, а может, всего один раз – но окончательно.

– Хорошо, хорошо, меня наняли, чтобы я устранил вот его, – гость указал пальцем на Отари, – больше я ничего не знаю, поверьте, рядовой заказ из жизни киллера.

– В том случае, нам самим легко продолжить Ваш рассказ – заказ поступил по Интернету, полсуммы за него переведены на Ваш секретный счет... Не морочьте мне голову. Мы Вам нанесем увечья, способные отравить Вам всю оставшуюся жизнь, если попытаетесь скормить нам очередную сказку, – Вели замолчал и несколько мгновений не сводил с гостя тяжелый взгляд.

Собеседник, помолчав, словно прикидывая какой информацией он может отделаться от любопытства хозяев купе, нехотя начал говорить:

– Кое-кто в Кёльне очень рассчитывает на то, что в этот славный город доберется лишь один из вас, а там его уже ждут с нетерпением.

– Слушай, это мы и без тебя знаем! Кто ждет? Имя? Говори, собака, – Отари добросовестно исполнял взятую на себя роль злого следователя.

– Вы же не выполнили задание, и по прибытию в Кёльн Вас возьмут прямо на перроне вокзала, – увещал гостя «добрый следователь» – Вели.

– Имя в обмен на свободу, и я исчезну на ближайшей станции.

– Принимается, если Ваш ответ будет убедительным для нас.

– Вы нужны Всеволоду, я работаю на него.

– Ого, коллега! С кем имеем честь – ФСБ или СВР? – заинтересовался Вели.

– А это, как взглянуть, вы, кажется, не совсем хорошо осведомлены о широте поля деятельности Всеволода. Есть, так сказать, область его второй, а может, и третьей жизни, способной напугать кого угодно. Я, во всяком случае, предпочту залечь на дно, как минимум, на год, если, конечно...

– Конечно, можете не сомневаться, я полностью верю Вам. Скоро будете вновь распоряжаться своей жизнью самостоятельно. Но ответьте еще на один вопрос – Всеволод связан с «Белым Братством»?

– Скорее курирует их по наследству от КГБ, но это не основная его миссия. Он – волк-одиночка, а главная его задача до предела банальна – сорвать приличный куш, оборвать все связи и раствориться на бескрайних просторах планеты.

– Посмотри, какая у нас состоялась содержательная беседа, – примирительно произнес Отари, – а, главное, – мы все удовлетворили свои интересы, или ты считаешь по-другому?

– Я не в обиде, и, если могу идти, пожелаю вам удачи, вам она очень пригодится в самое ближайшее время, – гость привстал, но был остановлен вопросом Вели:

– Есть в поезде еще кто-нибудь из ваших людей?

– Мне об этом ничего неизвестно, но, думаю – по той секретности, с которой Всеволод планировал операцию, я единственный свидетель его художеств, – искренне произнес гость.

– Если хочешь им остаться, черкни нам адрес, по которому мы сможем навестить Всеволода, – любезно предложил Отари.

– Для всех нас лучше, если вы его запомните, – гость продиктовал адрес, – это конспиративная квартира, которой пользуется лишь Всеволод.

Не прощаясь, гость открыл дверь купе и через секунду исчез из поля зрения друзей.

Немного помолчав, Вели предложил:

– Сойдем за станцию до Кёльна, может быть, повстречаем очередных новых-старых друзей.

– Нет, сойдешь ты один, это ведь тебя с нетерпением дожидаются в Кёльне, да и ты лучше знаешь наших потенциальных партнеров. А я в гордом одиночестве предстану пред светлыми очами Всеволода. Надеюсь, он удостоит нас чести личной встречи. Опиши его, я ведь с ним не встречался.

– Ты, как всегда, прав, гацо. Встречаемся вечером на квартире, о которой говорил Бергер.

Вели коротко, но достаточно точно, описал внешность Всеволода и его характерные повадки. Памятуя о крепкой неприязни Отари к «телячьим нежностям», Вели ограничился крепким рукопожатием, и вышел из купе, направляясь к своему вагону.

Всеволод и Наталия

Вторую неделю Всеволод удерживал Наталию на конспиративной квартире то ли в качестве заложницы, то ли – арестантки. Конечно, можно было заработать очки перед Центром, выдав всю информацию о предательстве Наталии, но в этом случае пришлось бы отказаться от использования ее в качестве приманки для Вели. А это никак не входило в планы Всеволода, опасавшегося, что Павлов перед смертью мог выболтать сведения об его подлинной роли, точнее ролях, исполняемых в задуманной многоходовой комбинации. Теперь Вели должен навсегда исчезнуть, даже если не удастся завладеть его проклятым архивом, ну а грузину по сценарию еще в поезде предстоит покинуть этот бранный мир.

Все попытки вытрясти из Наталии хоть какие-нибудь сведения, полезные для задуманного дела, заканчивались безрезультатно. Не то, чтобы Наталья молчала – понимая ситуацию, в которой оказалась – она вроде бы охотно делилась имеющимися сведениями о Вели, однако пользы в них Всеволод не усматривал. На квартире у Вели Наталия никогда не была и не знала где она расположена, да и, вряд ли, вернувшись, «объект» будет столь неосторожен, воспользовавшись своим старым логовом. Все пошло не по плану Всеволода. «Болваны», посланные в Берн, уверенные что до Кельна никакие неожиданности им не грозят, проворонили исчезновение Вели с поезда. Правда, оставался еще путающийся под ногами мерзкий грузин, который так или иначе должен был вывести на Вели. Теперь уже Всеволод был рад, что покушение на Отари потерпело фиаско, опасения вызывало лишь то, что его человек в поезде не подавал о себе вестей. Всеволод предупредил, что уход грузина из-под слежки автоматически поставит крест на карьере «болванов». Немного поразмыслив, Всеволод утвердился в мысли о возможном появлении Вели на конспиративной квартире для спасения своей возлюбленной. Разве что для этого ему нужно было чуть-чуть помочь – подкинуть не вызывающим подозрений способом адрес места заточения Наталии. Существовал и другой план – вернуть арестантку в ее рабочий офис «Halbinsel», но Всеволод не доверял Наталии, опасаясь, что она при помощи секретных знаков в офисе сможет предупредить Вели об опасности. Что ж, надо убедить ее не делать этого, придумав убедительную причину.

Всеволод прошел в комнату, в которой содержалась Наталия, кивком головы отослал сотрудницу, постоянно проживающую вместе с арестанткой.

– Как ты, Наталия? – почти человеческим голосом поинтересовался Всеволод, едва дождавшись ухода сотрудницы.

– Десять дней без свежего воздуха, запертая в стенах этой комнаты, какой я могу быть? – вопросом на вопрос ответила Наталия.

– Разве ты можешь винить в этом кого-нибудь, кроме себя? Ведь ты не только провалила задание, но и просто-напросто переметнулась на сторону объекта разработки, не мне разъяснять, чем грозит тебе этот проступок. Только мое доброе отношение позволяет тебе оставаться здесь. Предупреди я Центр, необходимо было бы срочно отправить тебя на Родину, где бы ты благополучно исчезла. Надеюсь, сомнений на этот счет у тебя нет!

– Это зависит от того, как ты распишешь, или уже расписал мои «проступки», – рассудительно заметила собеседница, задерживая взгляд на лице Всеволода.

– И ты еще сомневаешься во мне! Кто б разрешил держать тебя здесь, поведай я хоть толику правды?

– Зачем же ты удерживаешь меня в этих проклятых стенах?

– Затем, что в Центре знают – операцию мы провалили, хотя в нюансах пока не разбирались, но это – дело времени. И пока оно есть, нам необходимо добраться до твоего друга и любыми правдами-неправдами завладеть его архивом. Впрочем, мы можем удовлетвориться

лишь материалами о нашей агентуре в Азербайджане. Пусть обменяет их на твою свободу, и все останутся при своих интересах. Что скажешь, Наталия?

Наталия погружилась в размышления, она понимала, что Всеволод затеял очередную игру, пока не ясную для нее в деталях, но, вне всяких сомнений, в финале предполагающую устранение ее и Вели. Далее молчать – становилось опасно, и Наталия торопливо произнесла:

– Я готова сотрудничать с тобой, если ты предоставишь убедительные гарантии моей безопасности и свободы.

– Только твоей, а как же наш любезный друг? – насмешливо поинтересовался Всеволод.

– О себе он сам позаботится! Не думаю, что тебе предстоит легкая работа, ты лучше меня знаешь, что Вели настоящий профессионал. Его не проведешь дешевой легендой, нужна абсолютная правда, которую можно будет перепроверить.

– Ну вот, наконец, дело говоришь, – похвалил Всеволод, – я поведаю тебе нечто такое, что удовлетворит и тебя, и твоего Рембо.

– Неужели в твоей жизни есть тайны, неизвестные Центру? – Наталия умело продемонстрировала полную заинтересованность в разговоре.

– А это – как посмотреть! Знаешь, я сам собираюсь выйти из игры, на Родине стало скучно. Но для этого необходимо закончить порученное дело и уйти на заслуженную пенсию.

– И в этом заключена твоя страшная тайна? – саркастически спросила Наталия.

– Не торопись, помнишь наше внедрение в «Белое Братство», осуществленное Павловым?

– Как же! Тогда эта операция считалась очень удачной – Наталия, ожидая скрытых подвохов, лихорадочно обдумывала куда Всеволод клонит разговор.

– И я так думал по наивности, пока однажды ко мне не заявился Павлов с каким-то типом, оказавшимся резидентом ЦРУ. Детали тебе не интересны, словом вот уже два года как я сотрудничаю с разведкой милой заокеанской страны.

– Ого! Наш резидент в Германии – двойной агент! А ты не опасаясь шантажа со стороны Павлова? – сообщение Всеволода потрясло Наталию.

– Уже нет! Я отправил его в поездку в Берн, и твои друзья благополучно отправили его к праотцам, хотя и не смогли предотвратить готовившийся им взрыв, – Всеволод продемонстрировал самую искренность.

– Какой взрыв? О чем ты? – Наталия на доли мгновенья потеряла над собой контроль.

Всеволод вкратце, но, не скрывая любопытных подробностей, пересказал Наталии события последнего времени, жадно выискивая на ее лице реакцию на сообщение о тяжелых ранениях Вели и Отари.

– И что теперь? – задумчиво произнесла Наталия.

– Теперь твои друзья на всех парах мчатся в Кёльн, и было бы весьма элегантно, если ты встретила своего любимого в знакомом ему офисе «Halbinsel». Ваш ход, госпожа Альтштадт.

– А у меня есть выбор?! – с вызовом ответила Наталия.

– Выбор есть всегда. Боюсь, однако, что в данном случае все остальные варианты, кроме моего, бесперспективны, – подвел итог разговора Всеволод.

– Хорошо, я согласна. Что нужно делать?

– Я уже говорил. Прямо сейчас ты перемещаешься в свой офис, конечно, в сопровождении нашей сотрудницы. И, упаси тебя Господь, от позывов оставить где-нибудь, хоть какой-либо знак, предупреждающий господина Ауха об опасности.

– Так значит, опасность для него существует реально? – более для формальности задала вопрос Наталия.

– Не начинай все сначала, мы все обсудили. Подумай, на что мне сдался твой воздыхатель, коль скоро согласится обменять свою любовь на паршивые документы и навсегда забыть о людях, в них упомянутых, – Всеволод старался выглядеть безразличным.

Наталия в знак согласия кивнула головой, хотя ее мысли в это время унеслись прочь от места заточения. Нужно было найти свой вариант игры, чтобы перестать быть статистом в постановке Всеволода.

Шнайдер и Шульц

Обеспокоенный непредвиденным развитием событий в Берне, Отто Шнайдер, мучительно размышлял о возможных вариантах их продолжения в Германии. Конечно, он бы и сам предпочел в одиночку заняться полезной для разведчика гимнастикой ума, но в данном случае дело принимало несколько иной поворот.

Уже в середине злосчастной поездки в Берн из-за бурных, непредсказуемых событий он был вынужден подстраховаться и сообщить своему непосредственному начальству о сохраняемой в тайне операции. После этого Шнайдер должен был регулярно составлять донесения о ходе операции, к которой был проявлен необъяснимо повышенный интерес «сверху».

И вот всего пару дней назад его вызвали «на ковер» и задали беспокоящий и его вопрос: «Герр Шнайдер, а Вы уверены, что Ваш подопечный господин Айдынлы (именно так была произнесена фамилия, что о многом говорило) не принесет на хвосте всю эту свору, способную устроить пару-тройку терактов в благословенной Германии?».

Больше вопросов к Штайнеру у начальства не было, зато его осведомили, что ближайший уход на пенсию теперь имеет не один сценарий своего осуществления. Конечно, сейчас вопрос о пенсии меньше всего его беспокоил, реальная угроза перенесения бернских событий последнего времени в Кёльн буквально леденила душу старого разведчика.

Был ли он прав, давая разрешение на выезд кагебешной двоицы в Германию? Может, стоит перехватить их до приезда в Кёльн, выявить людей, ведущих за ними слежку и начать операцию по их устранению? А что, если этот план не удастся? В руках Бергера оказались лишь оборванные нити, которые пока что не удавалось связать. Да еще эти назойливые бесчисленные «дети» позорно распавшегося КГБ, которые теперь конкурируют между собой в поисках архива, того самого злосчастного архива, из-за которого началась эта недоброй памяти операция. Эти будут все время путаться под ногами...

«Хорошо, что я вызвал Шульца, надо дождаться его и совместно выработать план предстоящих действий», – решил Шнайдер и тут же соединился с Шульцем, который должен был быть на подъезде к Кёльну. Телефон Шульца был выключен.

Шнайдер соединился с секретаршей и попросил ее пропустить в кабинет Шульца, как только он появится. Вскоре позвонила секретарша, и через пару секунд он, едва поздоровавшись, уже нетерпеливо задавал мучившие его вопросы Шульцу.

– Арнольд, меня интересуют малейшие, пусть, на Ваш взгляд, пустяшные детали отправки наших двух подопечных в Кёльн. Весь путь от больницы и до поезда, затем события в поезде. И поторопитесь, через пару часов наши друзья прибывают вместе с легионом неизвестных людей, озадаченных непонятными нам целями.

– Кое-что Вы уже знаете, – поспешил начать свой отчет Шульц, – из больницы они отбыли с Бергером на его машине, беспрепятственно и безостановочно проследовавшей из Берна в Цюрих. Три наши машины, сменяя друг друга, сопровождали их вплоть до вокзала, где Бергер попрощался с ними, и они сразу же были взяты в наблюдение нашими людьми. Я по понятным причинам светиться перед ними не мог. Так вот на всем этом отрезке времени никто не предпринимал попыток вступить в контакт или осуществить покушение на интересующих нас людей.

– Называйте всех по их именам, или я вконец запутаюсь. Здесь не прослушивается, – раздраженно приказал Шнайдер, хотя хорошо понимал, что Арнольд строго следует инструкциям своего ведомства – не произносить вслух информацию, известную собеседнику.

– Как прикажете, Герр Штайнер! – отрапортовал Шульц, не скрывая своего удивления раздраженностью «дружище Отто».

– Прости, Арнольд! Здесь у нас подлинный бедлам. Наше руководство полагает, что Аух потянет за собой в Кёльн кого-то из «Белого Братства», и я склонен принять эту версию. Понимаешь, чем это нам грозит?!

– У меня есть в этой связи новая информация, – смягчившись, продолжил Шульц, – возможно именно их человек действительно был в поезде и предпринял попытку избавиться от Сурена-Отари, видимо, для изоляции Ауха. Однако бедняге не повезло и, после того, как Аух и Сурен вытрясли из него душу, за него принялись наши люди, едва успев перехватить его при досрочном выходе из поезда.

Но затем начались странности, мы полагали, что Павлов на свой страх и риск сотрудничал с «Братством», а тут выяснилось, что с организацией связан сам Всеволод, подумать только, русский резидент. Впрочем, Вы сами сможете допросить задержанного человека, он прибывает на том же поезде, что и Аух. Конечно, они не должны столкнуться на вокзале, поэтому он будет доставлен чуть позже.

– И Вы уверены, что больше у Ауха и Сурена контактов в поезде не было?

– Ну, почему же, наш человек, на время заменивший официанта в вагоне-ресторане, утверждает, что Аух некоторое время напряженно беседовал с единственным посетителем, который до этого мирно попивал кофе, уткнувшись в газету.

Они оба, хотя и не сразу, приняли меры по блокированию состоявшейся беседы, но наш человек успел понять, что Аух разговаривал со своим земляком, бывшим сослуживцем. Он даже успел записать часть разговора, но она большей частью на их родном языке. Скоро будет готов аутентичный перевод. Это пока все, как представляется.

– Вы славно поработали, если все обстоит именно так, как Вы изложили, основные нити операции вновь у нас в руках. Упустить этот шанс мы не имеем права. У нас мало времени, мы будем незаметно встречать наших друзей, – Штайнер запнулся и тут же поправил себя, – Ауха и Отари-Сурена на вокзале, скорее всего они проследуют на квартиру, предоставленную нами по просьбе Бергера. Ваша задача – заблокировать их там, не давая возможности покинуть квартиру до моего прибытия. Я прямо на вокзале займусь человеком Всеволода, пусть Ваши люди сразу же по прибытию доставят его в привокзальный полицейский участок...

...Штайнер и Шульц из окна полицейского участка вокзала вглядывались в пассажиров, выходящих из заветного вагона. Никого, кроме Сурена, Штайнер в них не опознал. В растерянности он оглянулся на Шульца с неммым вопросом.

– Я не представляю, как он мог исчезнуть, – растерянно произнес Шульц в свое оправдание.

– Вот в этом и заключается Ваш непрофессионализм, – зло процедил сквозь стиснутые губы Шнайдер, – надеюсь, его дружок сможет просветить Вас насчет загадочного исчезновения Ауха. Отправляйтесь за ним на конспиративную квартиру, а я пока займусь нашим гостем...

...Шнайдер резко повернулся и стал внимательно разглядывать задержанного в поезде человека. Тот, не выдержав напряжения, сам перешел в наступление:

– Кто Вы? По какому праву меня арестовали и держат здесь? Что Вам от меня нужно?

– Суший пустяк, который укладывается в три вопроса. По чьему указанию Вы совершили покушение в поезде? Какое отношение Вы имеете к «Белому Братству»? Как Вы связаны с Всеволодом? Ответьте, и мы рассмотрим варианты Вашего освобождения.

– Ну да, отвечу, а потом появятся тридцать три, триста тридцать три и прочее неизвестное число вопросов. Ведь я же уже ответил вашим людям.

– Так найдите ответы, которые пресекут такое развитие событий – дал совет Шнайдер.

Его собеседник опустил голову и на долгое время задумался.

Семейство Абдаллы

Семейство Абдаллы пребывало в глубоком трауре и растерянности. Исполнялось три дня со времени смерти Асима, а у них не было даже могилы, над которой, согласно мусульманской традиции, можно было совершить поминальную молитву. Они обращались к местному молле⁶ за советом, но он огорошил их противоречивыми отрывочными цитатами из Корана, которые только усугубили растерянность. Соседи порекомендовали им обратиться к уважаемому всем поселком старейшине Лятиф-мирзе⁷, к совету которого нередко прибегали жители поселка для разрешения спорных ситуаций.

– Не могу утверждать, но думаю, что над телом убиенного Асима был совершен весь требуемый исламом ритуал, знаете, там – Лятиф-мирза неопределенно указал рукой в сторону запада – более чтят религиозные традиции, чем у нас. Поэтому душа нашего незабвенного Асима уже начала путешествие в загробном мире. Конечно, вы обязательно проведете с соблюдением всех наших традиций церемонию погребения тела, как только это станет возможным, но ведь молитву совершают, как многие думают, не над телом усопшего, молитва помогает душе не сбиться с истинного пути своего вечного путешествия, она устремлена к милости и милосердию Всевышнего. Проводите положенные «три дня» так, как будто тело Асима уже предано освященной земле нашего кладбища.

На другой день Абдаллы воспользовались мудрым советом старейшины.

В ожидании прибытия скорбного груза с телом незабвенного Асима Абдаллы попытались найти людей, которые обещали свести их с московским адвокатом, однако они, продав свои квартиры, бесследно исчезли.

С хлопотами по встрече своих прибывших родственников и похоронами Асима все другие дела были отложены. Семейство Абдаллы, сплоченное горем, погрузилось в траур. Они решили оставить все разговоры до тех пор, пока не состоятся поминки, устраиваемые на седьмой день со смерти Асима.

Почтить память усопшего пришли почти все жители поселка. Кроме традиционной соседской солидарности, людей интересовали загадочные обстоятельства гибели Асима, в связи с которой распространялись самые невероятные слухи.

После похорон Абдаллы задали небывалые по пышности поминки, однако ни словом не обмолвились об интересующей весь поселок теме. На назойливые вопросы нехотя отвечали, что сами еще не знают подробностей, а прибывшие из-за рубежа члены семейства, словно сговорившись, упрекали особо усердствующих в своем любопытстве людей, напоминая, что поминки не место для обсуждения земных дел, а здесь поминают усопшего и молятся за упокой его души.

Отдав дань традициям своей веры, Абдаллы собрались на семейный совет, чтобы узнать подробности произошедших событий и принять решение, что делать дальше.

Прибывшие из Берна родственники изложили печальную «одиссею», стараясь не упустить мельчайших подробностей. В основном, на правах старшего, говорил Ариф. Ариз и Алиа изредка деликатно подправляли его рассказ или дополняли отдельными замечаниями. Когда Ариф дошел до зловещей роли Рамиза Абдулла-заде, старейшина рода Абдаллы, не выдержав, дал волю своим чувствам:

– Кого еще мог родить ублюдок Гасан! Такого же, как сам, ублюдка и шакала! Подумать только, мы еще обсуждали, стоит ли помириться с ним и допустить в семью, как ни как, хоть

---

⁶ Молла (мулла) – мусульманский священнослужитель, как правило, но не обязательно связанный с официальной мечетью.

⁷ Мирза – приставка к имени, указывающая на ученость ее обладателя; учитель, в средние века буквально – писарь – человек, владеющий грамотностью и составляющий тексты писем, жалоб и ходатайств для нуждающихся людей.

и незаконнорожденный, но сын самого Абдулл-Керима. Как был прав наш старейшина, упокой Господь его душу, ведь именно он тогда предостерег нас от опрометчивого шага.

– А может, это было ошибочное решение? – на правах ровесника задумчиво произнес другой родственник – прими мы тогда Гасана в семью, глядишь, и не было бы сегодняшнего печального дня.

– Горбатого могила исправит, – получил он назидательный ответ, – да и убил-то нашего Асима его змееныш, как его?

– Рамиз Абдулла-заде, – услужливым хором ответили бернские путешественники.

– Ишь ты, Рамиз! Никто из нас даже не подозревал о его существовании, или кто-то из нас был знаком с ним? – старейшина обвел тяжелым взглядом ряды родичей.

– Нет! Никогда, – клялись его родственники.

– Да постигнет его кара Господня! Но и мы не должны сидеть, сложа руки. Надо найти эту гадину и заставить ответить за свершенное мерзкое преступление.

– Это вряд ли получится, по крайней мере, в ближайшие двадцать лет, – заявил Ариф, – мерзавцу повезло, что в Швейцарии давно отменена смертная казнь.

Наступила тягостная тишина, каждый думал о своем. Наконец старейшина огласил свое решение:

– Правильно говорили наши предки – деньги до добра не доведут, а где большие деньги – там преступления, нашептанные на ушко самим сатаной. Пусть эта история станет для всех нас уроком, мы должны забыть про эти проклятые деньги.

В комнате послышался нарастающий ропот недовольства, почти все члены семейства были не согласны с решением старейшины, но никто из них не мог предложить дельного совета. Только через некоторое время они заметили, что Ариф пытается вновь взять слово. Наконец ему предоставили такую возможность, и он рассказал о встрече с земляком, обещавшим познакомиться с грамотным адвокатом, который сможет помочь получить деньги.

– Больше никаких адвокатов! – решительно заявил старейшина.

– Но это адвокат из Швейцарии, он занимается именно такими делами, – решил немного приврать Ариф, – да и наш земляк – замечательный человек, это он помог раскрыть всю эту историю. До него следствие полагало, что смерть Асима – результат случайного падения в пропасть. Он оставил нам свой номер телефона – Ариф вглядывался в лица родственников, выискивая себе сторонников.

Поднялся невероятный шум, все голосили одновременно, не обращая друг на друга внимания.

Старейшина встал и поднял руку. С трудом ему удалось усмирить разбушевавшихся родственников:

– Хорошо! Свяжись с ним, Ариф. Но клянусь Аллахом, я не позволю никому снова рисковать жизнью, пока мы не будем твердо уверены в безопасном исходе дела. Теперь расходитесь, нам предстоят нелегкие дни до сороковин Асима. И чтобы за это время не только с соседями, но и между собой, никто не смел обсуждать произошедшие события. Обрадованные этим решением, родственники наперебой стали клясться старейшине, что будут немые как могила.

– Знаю я вас! – снисходительно произнес старейшина, прощаясь с родственниками, – Помните, произошло случайное падение, и мы потеряли нашего Асима.

Ариф Абдаллы и Вели

Ариф Абдаллы, заручившись поддержкой старейшины, стал названивать на сотовый телефон Вели, однако вот уже третий день телефон столь необходимого ему земляка был отключен. Ариф, засомневавшись, обратился к Аризу и Алие, но они напомнили, что Вели дал номер только ему. Арифу не оставалось ничего другого, как, избегая встреч со старейшиной, периодически названивать Вели.

Ариф работал водителем-дальнобойщиком на двадцатипятитонном «КамАЗе», перевозившим различные грузы из Азербайджана и Украины в Иран и Турцию. Обычно это был так называемый металлолом, обмениваемый на продукты питания, которые он привозил обратно. Такой бартер устраивал все стороны, поскольку не приходилось обращаться за помощью к его величеству доллару, операции с которым были связаны с большими проблемами, особенно в Иране. Зарабатывал Ариф неплохо, но такая работа сводила на нет личную жизнь, да и связана была с немалыми рисками. Между тем ему давно уже следовало жениться, завести семью, воспитывать своих детишек, а не отпрысков родственников, которые порой свысока поглядывали на Арифа, кичась своим потомством. Пресловутое наследство, если удалось бы им овладеть, привело бы в исполнение мечту Арифа. Вот почему он с такой настойчивостью пытался связаться с познакомившимся в поездке земляком, обещавшим ему помощь в получении вклада прадеда. Но пока, к несчастью, все его попытки оканчивались ничем, телефон Вели был отключен.

В очередной рейс в Иран Ариф отправлялся с тяжелым сердцем, всю дорогу размышляя о своем печальном будущем, казалось навечно связанном с незавидной судьбой водителя-дальнобойщика. Пройдя пограничные и таможенные формальности, Ариф покатил по знакомым дорогам Ирана, направляясь к окрестностям Тебриза, где предстояло сдать и принять груз. Опытный водитель, он почти механически вел тяжелогруженую машину, всецело отдавшись своим горестным мыслям. Вдруг раздавшийся звонок его мобильного телефона показался закладывающим уши пронзительным сигналом тревоги. Обычно в дороге Арифу никто не звонил, разве что хозяин, изредка принимавший решение сменить маршрут следования груза. Достав из кармана телефон и взглянув на экран, Ариф увидел надпись «Личный номер» и понял, что звонит не хозяин, номер которого знал по памяти. Заинтригованный звонком, Ариф нажал кнопку приема звонка:

– Алло, слушаю...

Незнакомый голос ответил по-азербайджански:

– Ариф, добрый день. Вы звонили мне много раз, но я был лишен возможности ответить.

Вы узнали меня?

– Вели муаллим? – растерянно спросил Ариф.

– Да, это я. Надеюсь у Вас все хорошо, впрочем, наверное, появились проблемы, иначе...

– Вы не представляете, как я нуждаюсь в Вашей помощи! Помните, Вы обещали помочь с получением швейцарского вклада?

– Ну, не совсем так, как Вы говорите, но в целом помочь с честным юристом, который решит Вашу проблему, я, думаю, смогу. Вам надо заручиться согласием всех родственников и с нотариальной доверенностью прибыть в Германию.

– Легко сказать, разве мне дадут визу в посольстве Германии, прошлый раз ее предоставили нам эти аферисты, убившие Асима.

– Это не проблема! Вам нужно положить на свой счет десять-двадцать тысяч долларов и обратиться в посольство Германии. Просите визу для поездки с целью приобретения автомобиля. Вам не откажут. Надеюсь, Вы сможете собрать необходимую сумму?

– Да, конечно, вот только вернусь из поездки, ведь, я говорю с Вами из Ирана.

– Ирана?! Что Вы там делаете?

Ариф вкратце рассказал Вели о своей работе и сообщил, что через три-четыре дня он уже будет в Баку. Пожелав ему счастливой дороги, Вели попросил Арифа позвонить, как только он вернется из поездки.

Хавар Занузи и Парвиз Дервиши

Ожидая в аэропорту Франкфурта-на-Майне рейс из Лос-Анджелеса, Хавар испытывала состояние дежавю⁸. Всего несколько дней назад вот так же она дожидалась рейса, на котором должен был прибыть ее муж. Все повторялось, но между двумя этими событиями, казалось бы, пролегла вечность. В ее жизнь вошли и исчезли множество людей, с которыми при других обстоятельствах Хавар никогда бы не повстречалась. Один из них мог бы изменить всю ее жизнь, другие – вернув мужа, изменили ее саму. Хавар очень беспокоило душевное состояние мужа, телефонные разговоры с ним, преисполненные эмоциями, не прояснили ей, что ему пришлось испытать за время пребывания в заложниках. Изменившись сама, она с тревогой думала о том, каким человеком стал ее муж, как они будут жить дальше, имея за плечами столь тяжкий опыт и чрезвычайные испытания.

Безо всякой причины Хавар стала впадать в панику, ей представилось, что и сегодня ее мужа не будет среди пассажиров прибывающего лайнера. Она пыталась убедить себя, что такой сценарий невозможен, муж, как ей сообщили, прибывает в сопровождении представителей спецслужб США, желающих приобщить ее показания к обвинительным материалам следствия против «Белого Братства», подготавливаемых для передачи в суд. Но даже эти разумные доводы не могли успокоить Хавар. Она впадала в ступор, чувствуя как каменеет тело, а упавшее сердце отвратительно мерзко тербит желудок, доводя его до спазма. Даже увидев мужа, выходящего в зал ожидания в сопровождении двух людей, беседующих с ним, Хавар не могла сбросить с себя оцепенение. В следующее мгновения Хавар попыталась броситься к мужу, но вместо этого стала медленно оседать на пол: ноги стали ватными и отказывались подчиняться своей хозяйке. Хавар понимала, что ее вид может напугать мужа, но не могла заставить себя встать. Наконец Парвиз заметил Хавар и бросился к ней, выпустив из рук небольшой портфель. Его попутчики, не успев среагировать, недоуменно наблюдали, как Парвиз, подбежав к женщине, почему-то сидящей на полу, стал поднимать ее. Парвиз бережно прижал к себе Хавар и прошептал ей на ухо:

– У меня для тебя радостная весть, нашлась твоя мама, она в относительной безопасности, но нам нужно придумать, как ее вызволить из Ирана.

Парвиз десятки раз прокручивал в голове встречу с женой, решив сообщить ей радостную весть позже, но эта фраза сама собой вырвалась из его уст, как только он прильнул к Хавар, руша все барьеры традиционной сдержанности на людях, которую ранее не могли преодолеть годы совместной жизни.

Хавар хорошо слышала мужа, однако почти ничего не поняла из его слов. Ей представлялось, что медленно текущее время ожидания вовсе остановилось, свернув окружающее ее с мужем пространство, весь мир в небольшой островок, на котором они едва умещались. Она опасалась разжать руки, обвитые вокруг шеи Парвиза, ибо думала, что, случись это, и муж опять исчезнет. Почти бессознательно она продолжала сжимать руки, как бы пытаясь слиться с мужем в единый организм.

Почувствовав ее состояние, Парвиз ласково прошептал:

– Я – здесь, никто более не сможет нас разлучить, ты меня слышишь, Хавар?

Вместо ответа Хавар разрыдалась. Она стала бессвязно рассказывать мужу о детях, об их успехах в учебе, о заботливых родственниках, приютивших их, с ужасом думая, что несет бред, столь неуместный сейчас. Она твердо знала, что для новых страданий и боли в ее душе и теле просто нет места, случись они, она умрет безо всякого сопротивления, мирно и почти с благо-

---

⁸ Дежавю (фр. *déjà vu* – «уже виденное») – психическое состояние, при котором человек ощущает, что он когда-то уже был в подобной ситуации, однако это чувство не связывается с конкретным моментом прошлого, а относится к прошлому в общем.

дарностью. Продолжая сжимать руку мужа, Хавар чувствами, лишенными тяжести телесности, устремила в Вечность, испытывая радующую сердце необычайную легкость инобытия.

Парвиз, почувствовав состояние жены, легонько отстранил от себя Хавар:

– Хавар! Эти люди должны поговорить с тобой – произнес он на фарси – они ведут дело «Белого Братства» и собирают факты о преступной деятельности этой организации для передачи в суд.

Ему пришлось несколько раз повториться, пока Хавар, вернувшись в реальность, смогла понять, о чем говорит муж.

– Дома нас с нетерпением ждут дети, да и родственники совсем замучались с ними, пока я не была дома. Нельзя ли оставить это на потом? – попросила Хавар.

– Им нельзя дать ни одного шанса, ты сама знаешь насколько «Братство» опасно. К тому же, это не займет много времени. Максимум час, а через три часа люди, прибывшие со мной, должны отправиться обратно. Надо спешить.

Сопровождающие Парвиза не вмешивались в его разговор с Хавар, в котором, не понимая ни слова, хорошо представляли себе, о чем идет речь.

Хавар вынужденно согласилась дать показания прямо сейчас в зале прилета аэропорта Франкфурта-на-Майне. Они отошли к одинокой секции сидений, один из сопровождающих включил диктофон и стал задавать вопросы, второй кругами ходил вокруг сидящих, словно охраняя их от внешнего вмешательства.

Через сорок минут снятие показаний было закончено. Хавар была удивлена профессионализму опрашивающего, сумевшего точными вопросами получить все необходимые ему сведения. Она подумала, что сама бы не смогла так связно и последовательно изложить драматические события последнего времени.

Как только они закончили, к ним приблизились двое незнакомцев, которых Парвизу представил один из его сопровождающих:

– Знакомьтесь, это представители спецслужб ФРГ господина Шнайдер и Шульц. Они продолжат работать с вами и будут курировать вашу безопасность.

Попрощавшись со всеми, два попутчика Парвиза направились в зал отлета, а Шнайдер сообщил, что сейчас они отвезут Парвиза и Хавар в Кёльн.

– Как же так? А дети? Они с нетерпением ждут встречи с отцом. Мы должны ехать в Майнц, – недоумевала Хавар.

– Дети уже ждут вас на квартире, где вам придется некоторое время пожить. Ваши родственники предупреждены, можете позвонить им, – сказал Шульц.

– У Вас есть какой-то багаж, господин Дервиши? – спросил Шнайдер.

– Вот этот дипломат – весь мой багаж. Мы готовы ехать.

По дороге из Франкфурта в Кёльн Шнайдер вкратце рассказал, как развивались события после отъезда Хавар.

– Так значит, им все же удалось произвести взрыв! Как наши друзья? Есть ли жертвы? – Хавар понимала, что могло произойти самое ужасное.

– Погибли четыре человека, Ваши друзья отделались, хоть и тяжелыми, но не смертельными ранениями, думаю, совсем скоро Вы сможете встретиться с ними в Кёльне.

– Иншалла!⁹ – едва слышно произнесла Хавар

Спустя некоторое время Парвиз стал рассказывать Хавар, как ему удалось получить сведения о ее матери. Это была почти детективная история, начавшаяся с приезда в США одного эмигранта из Ирана, который с трудом нашел Парвиза буквально перед самым его отъездом в Германию. Этот человек, по имени Афшари, утверждал, что лично встречался с матерью Хавар на одной из квартир, где она нелегально проживала. По словам матери, она была тайно

---

⁹ Иншалла (х) – мусульманская формула: во имя Аллаха, с Божьей помощью.

выкрадена какими-то людьми, напоминающими своими повадками стражей исламской революции. Длительное время ее допрашивали, пытаясь выбить из нее показания на семью дочери, которую подозревали в подрывной деятельности против Ирана. Каким-то чудом матери Хавар удалось бежать, она скрыла имена людей, которые ей помогли в этом, опасаясь за их безопасность. И теперь, без документов и каких-либо средств, она вынуждена была искать любую возможность покинуть страну, власти которой объявили ее в розыск как особо опасную преступницу. Передавая устное сообщение своим родным в Америке, она просила их не принимать непродуманных решений по нее вызволению из страны. На вопрос Парвиза, не передавала ли его теща письма или какой-нибудь предмет, для подтверждения сказанного, Афшари ответил, что ни она, ни он не могли рисковать, поскольку не было уверенности, что удастся выбраться из страны без проблем. Парвиз попросил Афшари высказаться по поводу возможных вариантов спасения тещи, однако получил ответ, что таких вариантов его собеседник не видит. На прощанье он продиктовал Парвизу адрес квартиры в Тебризе, где находилась теща, и пожелал удачи.

Хавар пребывала в полном отчаянье, до сих пор она думала, что достаточно найти мать и все проблемы решатся сами собой. Теперь она понимала, что может не только никогда так и не увидеть своего самого родного человека, но и вообще лишиться возможности получить хоть какие-то известия от нее. Внезапно на Хавар нашло озарение, она лихорадочно вцепилась ногтями в удерживаемую ею руку Парвиза:

– Я знаю, кто сможет нам помочь!

Аревик

Ночью, после операции, Аревик приходила в сознание. Ее поразила небывалая легкость дыхания, позволяющая вдыхать воздух полной грудью. В слабом свете помещения она разглядела трубки, выходящие из ее тела и спускающиеся под кровать, на которой она лежала. Аревик попыталась резко встать, но тело ее пронзила острая боль. В палату вошла медсестра и по-русски произнесла:

– С счастливым возвращением! Как Вы себя чувствуете?

– Спасибо! Все просто замечательно, я дышу, как никогда в жизни. Только...

Что это за трубки? – Аревик повела рукой и внизу нащупала какую-то коробку, в которую входили две трубки.

– О, это неприятная необходимость, несколько дней Вам придется терпеть эти неудобства. Завтра, если все пойдет нормально, Вас переведут из реанимации в обычную палату, где разрешены посещения родственников и друзей. Кстати, некоторые из Ваших друзей с нетерпением ожидают встречу.

– Друзья? Кто это, как их зовут? – Аревик с надеждой подумала о встрече с Отари и Вели.

– Это представители той организации, которая оплатила операцию.

– Можно мне позвонить? Всего один звонок...

– Завтра, все будет завтра, а сейчас отдыхайте, перед посещением реанимации даже мы – медперсонал – сдаем свои мобильные телефоны. Здесь только внутренняя связь. Вы можете воспользоваться этим телефоном, чтобы вызвать меня или дежурного врача, – медсестра указала на аппарат, расположенный на столике у кровати. – А пока отдыхайте, набирайтесь сил перед завтрашним днем.

Медсестра оглядела внимательным взглядом постель пациентки, попрощалась и вышла из палаты реанимации.

Аревик стала вспоминать события последних дней, друзей, столь неожиданно ворвавшихся в ее жизнь, и, возможно, навсегда исчезнувшие из ее будущего. Эти мысли плавно сменились светлыми размышлениями о будущей, новой жизни, которую предстояло осваивать заново. В этом благодушном состоянии души она заснула.

Утром, как и обещала медсестра, Аревик перевели в общую палату. Ее соседкой оказалась пожилая женщина, перенесшая операцию шунтирования. Она довольно сносно говорила по-английски, и соседки по палате делились своими ощущениями после операции, планами последующего реабилитационного курса в одном и санаториев Германии, твердо решив провести его вместе.

В палату вошла медсестра и объявила Аревик, что ее ждут гости.

– Вы в состоянии принять их? Как Ваше самочувствие?

– Все прекрасно, зовите их, – Аревик предприняла попытку привстать, чтобы окончательно убедить медсестру.

– А вот этого делать не следует! Лежите спокойно, резкие движения Вам пока противопоказаны, – строго заявила медсестра и вышла из палаты.

Спустя несколько минут в палату вошли мужчина и женщина и направились к Аревик:

– Наши поздравления с успешной операцией! Мы долго беседовали с врачом, его заключение весьма благоприятное, – несколько смущенно произнесла женщина.

– Вы не представляете, как я вам благодарна, помочь совсем незнакомому человеку...

– Простите, мы принесли с собой цветы и конфеты, но их пришлось оставить внизу.

Врачи сказали, что они Вам пока противопоказаны.

– О, спасибо, не беспокойтесь, после наркоза у меня постоянное ощущение сладости во рту, боюсь, еще долго мне придется отказываться от своей прошлой роли сладкоежки. Да

и запахи пока вызывают легкое головокружение – Аревик на минуту замялась, боясь обидеть своих гостей, а затем добавила:

– Прошу вас выразить мою глубокую признательность руководству вашей организации.

Гости растерянно переглянулись, затем мужчина взял на себя продолжение разговора:

– Видите ли, деньги на операцию были перечислены прямо в клинику от имени нашей организации, но мы не имеем к этому никакого отношения... Разве Вы не знали об этом?

– Нет! Никто мне ничего не говорил, я даже не представляю, кто это мог сделать. Но вам-то, наверное, известно, кто перечислил деньги. Разве это не указано в сопровождающем переводе денег документе?

– К сожалению, нет! Да и времени, разбираться в этом вопросе, не было, нужна была срочная операция, – мужчина вопросительно поглядел на свою попутчицу, словно ища у нее поддержки.

– Я думаю, Вам не стоит волноваться по этому поводу, рано или поздно все прояснится, наберитесь терпения, а пока выкиньте эту проблему из головы, – женщина старалась быть убедительной, хотя ей это плохо удавалось.

– Не могли бы Вы позволить позвонить мне по Вашему телефону, мой еще не вернули, – попросила Аревик, обращаясь сразу к обоим посетителям.

– Да, конечно! – оба протянули Аревик свои мобильные телефоны.

Аревик, улыбнувшись мужчине, взяла телефон женщины и по памяти набрала телефон Вели – телефон был отключен. Затем она позвонила Отари. На третий звонок ей ответил знакомый до боли голос:

– Вас слушают.

– Отари, это я, Аревик...

– Солнышко! Как прошла операция? Как себя чувствуешь?

– Все прошло просто замечательно, у меня в палате представители донорской организации, так вот, они утверждают, что они денег на операцию не давали. Скажи, Вели или ты? Для меня это очень важно.

– Скажу, только сначала ответь мне на один вопрос. Если бы ты оказалась на нашем месте и имела бы возможность помочь другу, как бы поступила?

– Помогла бы непременно, но...

– Никаких «но», так мы и поступили, и поверь, нам это почти ничего не стоило. Забудь!

– Как же, забудешь!

– Ну, тогда помни, что ты наша должница, при первой же возможности примешь наше приглашение в ресторан.

– И все же...

– Он первый предложил, я с радостью согласился, а деньги наши общие. Допрос закончен?

– Я не знаю, как благодарить вас...

– Уже знаешь, только не ищи нас на этих днях, мы выезжаем из Германии, вернемся через неделю. Позвонишь на мой или Вели телефон. Будь здорова, копи силы, мы должны встретиться тебя и удивиться изменениям.

– Отари – в голосе Аревик послышалось всхлипывание.

– Родная, думай о своем здоровье, тебе вредны даже положительные эмоции, а тем более волнения. Будь холодна как мрамор! – Отари решил пошутить, вспомнив фразу из старого итальянского фильма.

– Отари, передай мою сердечную благодарность Вели.

– А вот это я сделаю с особым удовольствием, и ему будет приятно.

– Он не рядом?

– К сожалению, нет, но уже сегодня он узнает хорошую новость. До встречи!

– До встречи, – Аревик хотела продолжить разговор, но Отари решительно отключился.
– Кажется, Вы выясняли имена загадочных благодетелей? – вывела Аревик из задумчивого состояния женщина.

– Да, это мои самые добрые друзья. Простите, я даже не поинтересовалась вашими именами.

– Я – Инга Раух, а мой коллега – Вальтер Нойс, – женщина повела рукой в сторону второго посетителя.

Вальтер улыбнулся и несколько театрально поклонился Аревик:

– Может быть, у Вас есть какие-либо пожелания?

– Спасибо! Ах, да, простите, позвольте вам представить мою соседку по палате, – Аревик только что вспомнила, что не знает ее имени, и вопросительно посмотрела на соседку.

– Адель Шикельбиер.

– Наши наилучшие пожелания скорейшего выздоровления, фрау Шикельбиер, – галантно произнес Вальтер Нойс.

– Кажется, мы должны откланяться, медсестра просила не задерживаться.

– Всего вам доброго, дорогие, – Инга Раух взяла под руку Вальтера, и они вышли из палаты.

Госпожа Шикельбиер была полна решимости поскорее выяснить таинственные подробности оплаты операции соседки:

– Кажется, ситуация с оплатой для Вас прояснилась?

Переполненная эмоциями и воспоминаниями душа Аревик требовала исповеди, и она подробно рассказала соседке все необычайные приключения ее недавней поездки в Швейцарию.

Адель зачарованно слушала, боясь пропустить хоть слово из чудесного рассказа. Вдруг ее лоб перерезала глубокая складка:

– Когда это было? В каких числах Вы совершали поездку? – спросила она дрогнувшим голосом.

– Это было неделю, дней десять назад, прямо из поездки я отправилась в клинику на операцию. Почему Вы спрашиваете?

– Ваше счастье! В это время в Берне был взорван автобус, не думаю, что это был какой-то другой...

– Откуда Вы знаете? Кто-то погиб? – Аревик вдруг, впервые после операции, ощутила бешеное биение сердца, подкатившегося к самому горлу.

– Писали об этом много, вроде бы, погибло четверо пассажиров...

Аревик внезапно припомнила свой разговор с Отари, ой не таким как всегда, был «весельчак Сурен», вроде бы голос был озабоченным, может что-то произошло с Вели? Ранен? Погиб? Ведь сказал же Отари, что Вели с ним нет, просил пока не звонить...

Аревик буквально намертво вдавила кнопку вызова медсестры и не отпустила ее, пока в палату не ворвалась встревоженная дежурная медсестра:

– Что случилось? Вам плохо?

– Нет, со мной все в порядке, мне срочно нужен мой мобильный телефон, пожалуйста, поторопитесь, это очень важно

– А мой телефон не подойдет? – медсестра вопросительно посмотрела на Адель, словно ища у нее объяснений психического состояния ее соседки.

– Да, спасибо! Дайте мне его, пожалуйста, – Аревик поняла, что всерьез встревожила медсестру, но, несмотря на это, почти вырвала протянутый мобильный телефон из ее рук. Лихорадочно набрав знакомый номер, она бездумно слушала стандартную фразу о недостижимости абонента, пока ее не отсоединили. Аревик по памяти набрала номер Вели – телефон был уже включен, но ей никто не ответил.

Она вернула телефон медсестре и тихо попросила:

– Принесите, пожалуйста, мой телефон. Мне предстоит сделать много звонков.

Получив через некоторое время свой мобильный телефон, Аревик стала безуспешно названивать по двум знакомым ей номерам, изредка отвлекаясь на сочувственные реплики своей соседки.

Вели

В Висбадене Вели сошел с поезда, искоса оглядывая, насколько это было возможно, весь состав. Вместе с ним сошли несколько пассажиров, вроде бы, не вызывающих особых опасений. Но выйдя из вокзала он понял, что его «ведут» по крайней мере три человека, одним из которых был его земляк. На привокзальной площади он взял такси и попросил отвезти его в ближайший ресторан, внимательно отслеживая по зеркалам автомобиля следующие за ними машины. Водитель такси заметил ухищрения Вели, демонстративно хмыкнул, но промолчал. «Ялчын Явуз» прочитал Вели на табличке имя и понял, что его водитель родом из Турции:

– Гюн айдын¹⁰, – поздоровался Вели с водителем.

Водитель не удивился, – турков в Германии под три миллиона, – но сразу стал интересоваться от кого пытается оторваться его пассажир. Вели рассмеялся и сообщил, что его, по всей видимости, преследует возлюбленная – ужасное ревнивое создание. Водитель посмотрел через верхнее зеркало на Вели и панибратски подмигнул ему, сказав, что сейчас оторвется от всех преследователей на свете. К ближайшему светофору он подъехал с таким расчетом, чтобы в последнее мгновение перед его переключением вырваться вперед, оставив все следующие машины дожидаться «зеленого разрешения». Это ему блестяще удалось и, проехав вперед, он дважды свернул по переулкам, вновь пересек проспект, по которому они ехали, и повернул в сторону вокзала, откуда они начинали свою поездку. Водитель такси теперь уже ехал намеренно медленно, позволяя Вели убедиться в том, что преследователи потеряли след. Не доезжая до вокзала, Вели попросил остановиться у ближайшей стоянки такси, щедро расплатился с водителем и вышел, стремительно пересев в ожидающее клиентов такси. Вели, сказав, что ему срочно нужно в Кельн, попросил водителя отвезти его к месту стоянки машин, курсирующих между городами. Через четверть часа он уже направлялся в Кёльн, твердо уверенный в том, что его никто не преследует.

Расстояние между Висбаденом и Кёльном составляло чуть больше 130 километров, за полтора часа можно было, не спеша, добраться до цели. Раздался телефонный звонок, и Вели, внимательно разглядывая проявившийся на мониторе телефона неизвестный ему номер, решил не отвечать.

Таксист попался на редкость молчаливый, и Вели, не спеша стал выстраивать план предстоящих ему действий. В первую очередь его беспокоила мысль о том, что потерявшие след представители Родины, могут пойти на экстраординарные шаги. Поэтому проявиться перед ними необходимо как можно скорее и выяснить находится ли Фатима в Германии. Затем нужно выйти на Всеволода и решить вопрос об освобождении Наталии и прояснить ситуацию с «Белым Братством». Для начала же следует незаметно для всех преследователей добраться до квартиры, о которой говорил Бергер, чтобы встретиться с Отари и в деталях обсудить варианты действий. Образовавшийся цейтнот, наличие двух-трех не связанных между собой дел и неполнота необходимой информации плохо способствовали принятию окончательного плана действий.

Вели, откинув голову, принял удобную позу, решив немного вздремнуть, и в это время вновь зазвонил его телефон. Монитор высветил знакомый номер, спустя мгновение Вели узнал его – звонила Аревик.

– Аревик, добрый день! Надеюсь, у Вас все нормально? Как прошла операция? – Вели обратил внимание, что чисто механически задает вопросы, плохо вдумываясь в их содержание и ответы, и тут же приказал себе собраться.

---

¹⁰ Добрый день – турецкое приветствие

– Вели, что у вас там произошло после моего отъезда? С вами все в порядке? Где вы? Отари... – зачастила Аревик.

– Теперь все в порядке, мы, слава Богу, живы и здоровы. Попробуем с Отари через неделю – другую навестить Вас.

– То же самое говорил и Отари, я поговорила с ним по телефону один раз, а потом он исчез, телефон не отвечает. Это связано с автобусом?

– Вовсе нет! Рутинные дела, которые, однако, нельзя отложить. Через пару часов я встречаюсь с Отари, что же передать ему о состоянии Вашего здоровья?

– Благодаря вам с Отари все прошло просто замечательно.

– Вы имеете в виду проводы, которые мы устроили в ресторане? – решил прозондировать почву Вели.

– Я имею в виду деньги, которые вы пожертвовали на мою операцию!

– Пожертвовали? Где Вы набрались таких слов?

– Так, да или нет? Впрочем, я сама знаю ответ, и его подтвердил Отари. Я...

– Да, Вы хотели рассказать о своем самочувствии, – Вели упорно менял тему разговора.

– Я впервые дышу полной грудью, не представляете, какое это счастье.

– Я бесконечно рад за Вас. Какие планы на будущее?

– Через несколько дней меня выпишут из клиники, предстоит месяц реабилитации в санатории, а потом домой.

– Будем надеяться, что все Ваши планы успешно осуществляться. Мы с Отари навестим Вас в санатории, как только устроитесь, сообщите нам.

– Вели, я хотела...

– Давайте повременим с разговорами, а то не о чем будет говорить на нашей встрече, да и Отари обидится, – неуклюже пошутил Вели, разговор давался ему с трудом, поскольку было неловко выслушивать благодарности.

– И все же, есть слова, которые я должна сказать только Вам. Что ж, подождем до встречи. Я с ума сходила после того, как мне сообщили о взрыве автобуса. Всего доброго и до встречи!

– Выздоровливайте, отдыхайте, помните слова Отари, он хотел Вас видеть полностью здоровой.

После затянувшейся паузы Аревик прервала разговор.

Вели задумчиво глядел на дорогу, и вдруг поймал в зеркале изучающий взгляд водителя такси. Они улыбнулись друг другу, и Вели углубился в размышления о предстоящих делах.

Автомобиль въезжал в Кёльн, прокладывая себе путь через мост, соединяющий два берега Рейна. Вели попросил таксиста остановиться за пару кварталов от нужного ему дома.

– Всего Вам доброго и успехов – по-русски попрощался водитель такси.

– Спасибо! – с улыбкой ответил Вели.

Осторожно открывая ключом двери нужной ему квартиры, Вели услышал приглушенный голос Отари, разговаривающего, видимо, по телефону, и облегченно вздохнул – к предстоящим событиям они пришли без потерь.

Вели, Отари, Шнайдер и...

Войдя в комнату, Вели увидел Отари, полулежавшего на диване с трубкой телефона в левой руке. Внимательно слушая собеседника по телефону, Отари указательным пальцем правой руки, прислоненным к губам, призвал Вели сохранять тишину. Вели молча погрузился в массивное кресло, установленное напротив Отари, и стал наблюдать за ним, пытаясь отгадать, с кем разговаривает его друг. Сделать это не представилось возможности, поскольку, послушав еще две-три минуты, Отари, не произнеся ни слова, дал отбой и бережно положил трубку на место.

– Здравствуй, Отари, надеюсь, ты чувствуешь себя хорошо, – Вели, поймав взгляд друга, повел рукой вокруг себя, интересуясь, успел ли Отари проверить квартиру на предмет прослушивания.

– Здравствуй, Вели, совсем не плохо, – Отари дал знак, что квартира прослушивается и просматривается видеокамерами.

– Что же нам делать? Ждать гостей?

– Скорее всего, да, все равно ничего другого нам не остается, – Отари что-то набросал на верхнем листке стопки бумаги. Оторвал его от стопки и протянул Вели. «Прослушка и камеры во всех помещениях квартиры, здесь камеры нет».

– Я так и думал, – сказал Вели и спросил, – Ну, как добрался, без приключений?

– Можно сказать, да. Еще одно покушение, точнее попытка похищения – разве это тянет на приключения? – насмешливо ответил Отари.

– И кто же из наших многочисленных друзей на этот раз испытывал судьбу?

– Точно не скажу, но сдается мне, что это люди «Белого Братства» вкупе с Всеволодом, не терпящие узнать куда ты подевался, – задумчиво произнес Отари.

– Ого, значит, «братья» бессмертны?

– Может, и нет, вполне вероятно, что их реанимировал Всеволод для своих манипуляций.

Думаю, скоро ситуация прояснится, к нам едет ревизор.

– И как же его зовут?

– Ну, ревизор, скорее всего, не один, но среди них Шнайдер будет обязательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.